

Строительство политической нации и этнонационализм¹

Импульсом для написания этой статьи послужила проблема, состоящая в том, что в современном российском обществе всерьез проблема нациестроительства практически не обсуждается, поскольку превратилась в негласное идеологическое табу. Поэтому совершенно закономерно, что этот предмет в области политической теории присвоила экстремистская политическая мысль. Политические идеи, вырастающие из этнического и конфессионального сепаратизма, активно используются экстремистами для разрушения гражданских (политических) наций, современных государств и соответствующим им институтов и идей. С другой стороны, официальная политкорректная политическая риторика считает, что с «национальным вопросом» все и так интуитивно ясно на уровне «здравого смысла», а его серьезное обсуждение есть нечто неприличное, удел шовинистов, расистов, экстремистов и т. п. В результате российские публичные политики регионального и федерального масштаба до сих пор механически повторяют идеологические штампы советского периода о равенстве и полном развитии всех этносов, дружбе народов, праве «малочисленных народов» на политические привилегии и т. п., как будто и не существует вовсе опыта жизни в постсоветском пространстве, полностью разрушившем на практике эти благие пожелания.

В то же время, поскольку представители органов власти избегают открытого обсуждения «национальных вопросов», глоссарий понятий и терминов, связанных с «национальной политикой»² все активнее начинает формироваться и символически присваиваться экстремистскими частями политиче-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-03-83300а/У).

² В западной традиции политической мысли национальная политика тождественна государственной политике, основанной на национальном (государственном) интересе общества в целом, представляемого как политическая (гражданская) нация. Соответственно национальные отношения являются отношениями между нациями-государствами. В России национальная политика, как правило, описывается в советской традиции как сфера регулирования межэтнических отношений в государстве, являющейся предметом этнополитики. Здесь «национальное» обычно тождественно «этническому».

ского спектра. При этом, когда в реальность современных наций-государств как «воображаемых сообществ», имеющих конструктивистский характер, начинают транслировать «естественно-природные» конфликтогенные модели национальных (на самом деле межэтнических) отношений — это не может не привести к обострению этих отношений. Более того, риторика публичных политиков является не просто набором слов, но и политическим действием. Двусмысленные слова политкорректного политического языка порождают новую конфликтную политическую реальность. Российские политики и политологи путаются в определении базовых понятий, не зная, что такое этнос и в чем его отличие от народа или нации. В итоге эти проблемы начинают оккупироваться сначала символически, а потом и практически крайними частями политического спектра, а действующая элита запоздало реагирует на уже произошедшие негативные трансформации, фактически воспроизводя терминологию и значение слов своих оппонентов.

Определим смысл основных понятий статьи, в котором они будут использоваться далее. Итак, этнос — архаическая структура организации человеческих обществ, исторически предшествующая современным нациям, которые в теоретической литературе используются как синонимы современных государств (nation state). Отнюдь не случайное воскрешение этнической риторики в наше время обусловлено вовсе не возросшим самосознанием этносов, их новым «возрождением». Этническая проблематика в пространстве современных наций-государств способна играть только функциональную роль. Она представляет удобное средство для легитимации и морального возвышения частных и особенных (коллективных) политических интересов, их противопоставления всеобщему политическому интересу, который призвано выражать гражданское общество и /или нация-государство. Сегодня, в условиях кризиса модернистских наций-государств происходит трансформация привычных ранее форм политической идентичности. В рамках политического модерна человек считал себя, прежде всего, представителем общностей социального, экономического и идеологического порядка как государство, нация, «средний класс», рабочие, предприниматели и т. п. Предполагалось, что европейская цивилизация создала универсальную форму нации-государства, к которой так или иначе будут эволюционировать все прочие формы государственности. Однако Новейшая политическая история опровергла этот тезис. Нация-государство все более упирается в высокие стены своей исторической и цивилизационной граничности, не позволяющей ей распространиться на все человечество в целом. Более того, начинают «трещать по этническим и конфессиональным швам» уже существующие нации-государства. Наиболее разрушительным этот процесс оказался в странах бывшего социалистического блока. В более мягкой степени процессы этнизации наций-государств затронули европейские страны и США. В странах «первого мира» они проявились в виде неспособности стареющих наций интегрировать потоки трудовой эмиграции и размывании их этноконфессионального ядра в результате демографического застоя. В условиях кризиса модернистских наций-государств, последние все более уступают место ключевого политического субъекта субнациональным (этноты) и транснациональным политическим субъектам (глобальные

корпорации). Очевидно, что чем меньшей мощностью в современной политике обладает система, то есть государство, тем больше реальной власти оказывается сосредоточено в руках надсистемных и субсистемных сил. Если ранее источником суверенитета государства являлся монарх, как представитель божественного порядка на земле, то со временем источник суверенитета демократических государств стали связывать с общественным договором граждан, составляющих нацию-государство. Различие в том, что авторитет монарха священен, в то время как договор может подлежать периодическому пересмотру. В результате сегодня право суверенитета начинают усматривать и у этносов, и у ТНК.

В итоге, политическая нация без тотализирующей «национальной идеи», будь то священный авторитет монарха или общественный договор перерождается в совокупность частных корпораций, таких как транснациональные гиганты, мелкие фирмы, армия, церковь, университет и т. п. Рецепт нации-государства как «плавильного котла» этносов, культур, языков и религий оказался опровергнут примером многих стран. Одной из ведущих форм корпоративной идентичности становится этнос. Архаическая этническая риторика, выражаемая на языке политической мифологии через категории земли, крови, братства, исторического нарратива, оппозиции мы-чужие — вытесняет рационализирующие политику модернистские идеологии.

Однако этническая идентичность, трактуемая как подлинность, в современной политике является мнимой, поскольку ни один этнос не собирается вновь возвращаться к временам, когда кровнородственные и антропометрические факторы человеческой общности перевешивали социальные факторы. Этнос сегодня — в условиях упадка идеологий и разрушения наций-государств — становится эффективным конструктивистским мифом, предназначенным для достижения экстремистских политических целей. Согласно нормам международного права нация является синонимом государства. Организация объединенных наций (ООН) является объединением именно государств, то есть «огосударственных народов», а не этносов. Соответственно политической амбицией этноса в системе современного «этнического мифа» является претензия на создание «этнического государства». При этом на второй план уходит то обстоятельство, что территория планеты Земля давно поделена между нациями-государствами. Поэтому образование новых «этнических государств» возможно только силовым путем, через гражданскую войну, сепаратизм и развал существующих наций. В настоящее время в мире по разным подсчетам существует от шести до десяти тысяч этносов и лишь около двухсот государств. Критерии выделения этноса в современной науке являются субъективными и размытыми. Примордиалисты считают, что этническая принадлежность есть нечто самоочевидное для индивида, объективно ощущаемая им «природа». Однако подобные критерии скорее мифологичны, чем научны. Принадлежность индивида к этносу ничем кроме глубоко субъективного убеждения формально не удостоверяется, расселение его представителей не имеет четких территориальных границ. Сегодня на земле не осталось территорий, где компактно проживал бы один этнос, за исключением Японии. Напомним лишь, что все современные нации-государства являются мультиэтническими. Раз-

личие лишь в количественной степени этнического разнообразия. Более того, «моноэтнических государств» в чистом виде никогда не существовало, эта идеологема никогда не была реализована в политической практике по одной простой причине — в историческом аспекте государства вытесняли архаические племена-этноты. Поэтому идея «этнической государственности» — является по определению самопротиворечивой. Поскольку современные нации полиэтничны, популистское «заигрывание» власти с этническим сознанием является «игрой с огнем». Лишь когда гражданская идентичность человека вытесняет на второй план его этническую идентичность, можно говорить о складывании нации-государства. Запуск обратного процесса разрушает нации-государства.

В настоящее время на земле фактически не осталось мест компактного проживания той или иной этнической общности. «Эксклюзивные» исторические этнические ареалы в результате переселений народов и миграционных потоков давно смешались. Со времен Просвещения и экономической индустриализации, стержневой формой политической организации общества является нация-государство. То есть правом на политическое самоопределение и государственный суверенитет начинает обладать только нация, как идеологический суперэтнос, — образование политического порядка, надстраиваемое над архаичным этносом. Нация-государство является в первую очередь гражданско-политическим образованием, «этнизация» политики сводит нацию к природно-культурному, что является шагом назад. Формирование гражданской нации предполагает растворение входящих в нее этносов, поднятия уровня политической идентичности с этнической до национально-государственной. Нация уравнивает политические права не этносов (которые с образованием нации не могут претендовать на политические права), а граждан, входящих в состав нации. Нация — это *результат* гражданско-политического самоопределения. Поэтому проблема «этнического самоопределения вплоть до отделения» в рамках нации вообще является ложной проблемой. Этнос в рамках нации-государства не может быть коллективным политико-правовым субъектом, но только культурно-историческим. Современные государства существуют только как нации, либо стремятся к этому. Нации-государства полиэтничны. Мультикультурализм, пропагандируемый постмодернистами, проблемы мирного сосуществования этносов в рамках нации-государства не решает. Государство, в котором этносы не объединены в политическую нацию общим национальным интересом и надэтнической идеологией — политически нежизнеспособно. Поэтому мультикультурализм здесь легко обращается в этнонационализм и сепаратизм, а политкорректность выступает способом замалчивания и обострения этнонациональных проблем.

Таким образом, признание права того или иного этнического меньшинства (или большинства) на политическое самоопределение в формате современных мультиэтнических государств прямо нарушает подобные права других этносов. Иными словами, право этноса на политическое самоопределение вовсе не есть самоочевидное право, но именно привилегия, нарушающая равенство в праве, эту единственно возможную форму равенства в нации-государстве, так как «не может считаться правом заведомо неуни-

версализируемая свобода»³. Попытка политически реализовать подобную этническую привилегию лишь создаст новые границы и умножит количество разделенных этнических общностей, жаждущих воссоединения. Раздел нации-государства по этническим границам ничего не решает, поскольку, чем больше возникает государств, тем больше образуется этнических меньшинств. Соответственно право на политическое самоопределение этносов в данном случае тождественно этническому сепаратизму внутри существующих государств. Признание возможности политического суверенитета этноса дает последнему право на выбор формы политической организации. Но в случае своего запуска сепаратистский процесс дробления государств в логическом итоге приведет лишь к гоббсовскому естественному состоянию «войны всех против всех», выходом из которого может быть только добровольный отказ людей от части своих прав в пользу личной безопасности. Обеспечить безопасность и стабильность могут только законы государства, стоящие на страже всеобщих гражданских (а не этнических) прав и интересов.

Если обратиться к России, то, фактически, признание политических прав этносов приведет к превращению национально-территориальных субъектов в *моноэтнические* государства со своим суверенитетом, территорией, гражданством, конституцией и другими атрибутами и символами государства. Подобное самоопределение лишает данного права другие этносы, проживающие на той же территории, параллельно разрушая сложившееся государство. Это прямо противоречит нормам международного права о приоритете границ существующих государств над границами этнических ареалов⁴. В связи с этим, единственным прочным основанием современной государственности может быть только национальный суверенитет, где акцент переносится с этнической на политическую (территориально-государственную) общность, включающую в себя всех граждан государства, этническая принадлежность которых не имеет политического измерения. Естественно, что национально-территориальные образования в составе РФ трактуются их апологетами как форма политического самоопределения этноса. Но дело в том, что территория России уже является местом самоопределения российской нации, в первую очередь как политической, гражданской общности. Поэтому любое «вторичное» политическое переопределение по этническому признаку российскую нацию разрушает.

История 20 века весьма наглядно и на многочисленных примерах доказала, что этнонациональное государство, где «политическое» полностью совпадает в своих границах с «этническим» как политическая форма решения национального вопроса не только этот вопрос не решает, но и обостряет

³ Патриотизм и национализм: «круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 77

⁴ Любым государствам свойственно с течением времени возникать и распадаться, а политическая карта мира является самой изменчивой из всех его карт. Автор отдает себе отчет в том, что «плох тот этнос, который не мечтает стать суверенной нацией». Однако в данной статье речь идет о нормативном плане политике, о том, какой она должна быть — императивах, целях и приоритетах, а не о «реальности политики».

до крайности. Признание большевиками «права наций»⁵ на самоопределение»⁶ диктовалось скорее тактическими соображениями В.Ленина по привлечению на свою сторону национальных окраин Российской империи, нежели убеждениями, так как дробление государств противоречило исторической фазе тогдашнего империализма. Тем не менее именно этой позиции было суждено надолго закрепиться в качестве официальной точки зрения на национальный вопрос в советский период. В свое время ленинский рецепт диктовался утопией интернациональной классовой солидарности трудящихся, которая должна быть выше этнических интересов, отмиранием национальных (буржуазных) государств и грядущей мировой революцией, стирающей все различия. Поскольку ни одно из этих условий не сбылось, социалистические государства, построенные на этнотерриториальном принципе, существовали лишь тогда, когда реальная власть находилась не у официальных государственных органов — «власть советов», — но в руках централизованной партийной вертикали. Как только эта вертикаль в силу ряда причин стала недееспособной, асимметричные, этнонациональные государства оказались нежизнеспособны политически и стали саморазрушаться (Югославия, СССР, Чехословакия).

Таким образом, этносы в модернистскую эпоху наций-государств являются не реально историческими, но скорее виртуальными общностями, которые отнюдь не случайно достаются политическими идеологами этнонационализма из пыльных запасников этнографических музеев. Субъективная принадлежность к этносу во времена политического постмодерна становится формой присвоения символического капитала (П. Бурдьё), путем претензии этнических элит на политические привилегии. Как правило, символический капитал и сопутствующие ему привилегии в условиях демократических политических режимов наиболее активно присваиваются представителями этнических меньшинств. Кризис наций-государств сегодня выражается в том, что гражданское равенство как главный принцип демократического государства начинает «корректироваться». Представители различного рода меньшинств становятся чуть равнее, чем прочие смертные. Отсюда возникает внутреннее напряжение всей политической системы, так как асимметрия является отношением неравенства, которое разрушает и демократию, и государство, и правовую систему.

Этому способствует и ложный перенос либеральной идеи о всеобщем равенстве прав с отдельных граждан нации-государства на этносы как субъекты коллективных политических прав. В Российской Федерации ситуация усугубляется смешанным (территориальным и этническим) принципом выделения субъектов РФ, когда ряд этносов получает политический псевдосуверенитет. Между тем, в современной теории государства и права устоялась теоретическая позиция, согласно которой политический суверенитет государства един и неделим. Поэтому «двойной суверенитет» РФ и этнонационального субъекта РФ является противоречием по определению: «госу-

⁵ На самом деле, в ленинских работах под нациями часто подразумевались и этносы, а сама категория нации имела предельно расплывчатый характер.

⁶ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // ПСС. Т. 25. М., 1961.

дарства в государстве» по принципу матрешки существовать не может. Тем не менее попытки апологетики концепции политического суверенитета этносов в рамках суверенитета нации не прекращаются, несмотря даже на тот факт, что провозглашение политического суверенитета любого субъекта РФ противоречит ст. 4 п. 1 Конституции России: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». Следовательно, в составе нации этносы могут претендовать только на экстерриториальную автономию. Ориентиром здесь может выступать концепция национально-персональной автономии, разработанная в начале 20 века австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром⁷. Политический суверенитет любого субъекта РФ в отношениях с федеральными органами власти невозможен, так как указывает на принцип межгосударственных отношений, отсылающий к международному праву. Этнонационализм содержит аксиому о тождестве нации и этноса. В итоге уравниваются и соизмеряются между собой государство-нация и этнос, современность и прошлое, политическое целое и часть, что логически недопустимо. Подобное равенство асимметрично, поскольку разрушает универсальность права через властную асимметрию федеративного пространства, неравный обмен ресурсами центра с регионами, привилегии и дополнительные полномочия этнотерриториальных субъектов РФ и т. п. Очевидно, что асимметрия всегда потенциально центробежна, даже если носит символический характер. Она деформирует и правовую систему, когда в условиях политического неравенства право теряет свой нейтралитет, превращаясь в функцию обеспечения клановых, этнических и прочих частных интересов. Правовая асимметрия территориальных и этнических субъектов РФ легитимируется как учет исторических особенностей развития России, что противоречит Конституции РФ (ст. 5, п. 1), согласно которой все субъекты РФ равноправны. Это равенство прямо нарушается в рамках самой же Конституции (ст. 66, пп. 1–2), делящей субъекты РФ на национальные республики с собственными конституциями и прочие субъекты РФ, чьим основополагающим документом является устав.

Легитимность политического доминирования этнических элит обычно выводится не из правовых, но из моральных аргументов, будь то реальное или воображаемое историческое притеснение «малых народов»⁸, этноцид, «колониальная» эксплуатация, насильственное присоединение и т. п. Реально же борьба в рамках территории совместного проживания разных этносов за провозглашение своего этноса в качестве «титального» или «коренного» часто приводит к феномену тирании меньшинства. Мифогенная этническая риторика возникает не вследствие этнического многообразия,

⁷ См. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

⁸ При этом родились такие неологизмы политического официоза как «коренные малочисленные народы Крайнего Севера», где каждый термин достоин отдельного комментария. Могут ли вообще граждане РФ быть коренными и некоренными? Должны ли на этом основании, например, коренные москвичи обладать большими льготами, чем остальные жители столицы? Эпитет «малочисленные» несет явную контекстуальную нагрузку как признак инвалидности, неполноценности за которую, видимо, морально ответственны народы «многочисленные». Воистину «В начале было Слово», магически обратившее росчерком пера бесписьменные племена российского Севера в целые народы, пусть и «малочисленные».

но как действенное средство этнических элит в борьбе за власть и привилегии, получаемые в обмен на лояльность. В результате на высших позициях оказывается этническая элита, которая может завоевать и удержать власть только посредством недемократической «выборной диктатуры». Стоит подчеркнуть, что любому новому политическому режиму как «травма рождения» присуща абсолютизация своего первоначального институционального дизайна, которая может со временем переродиться в сверхидеологизированный концепт. С этим тесно связано стремление элит к преемственности власти, призванное оградить от социального взрыва и гражданской войны, которые якобы должны сопровождать ротацию этнонациональной политической элиты, любые административные реформы, изменение Основного закона и т. д. Нынешняя Россия появилась на свет как радикально асимметричный политический режим. Окончательно он еще не сформирован. В последние годы федеральная власть ведет работу по уменьшению степени этой внутренней асимметрии: унификация регионального и федерального законодательства, ужесточение контроля региональных этнократий, «деприватизация» государства, административная реформа, свертывание пространства «региональных политик», отмена региональных политических партий и т. д.

С другой стороны, политическая риторика федеральной элиты в области строительства нации так и не приобрела целостных императивов и целей в области этнонациональной политики. По-прежнему в политической повестке дня доминируют ситуативный популизм и тактический прагматизм, лишённые осмысленной идеологической основы. Отсюда популярность технически нейтральных терминов оптимизации, эффективности, толерантности и т. п. Налицо желание федеральной политической элиты уклониться от скользкой темы, выждать, когда в «национальном вопросе» всё наладится и рассосется само собой. В результате желание угодить всем «сегментам электората» (этническим, конфессиональным) оборачивается невозможностью выйти на уровень интеграции гражданского (политического) интереса *всех* граждан России, так как любой всеобщий интерес, увеличивая степень свободы в обществе в целом, накладывает определенные ограничения и запреты на частные, индивидуальные и коллективные права и свободы, что сразу же вызывает упреки в тоталитаризме, великодержавности, империализме и т. п.

Итак, распад практически сложившейся нации — «советского народа» — привел к системному кризису политической идентификации. Произошел закономерный распад «российского населения»⁹ на множество субнациональных групп, противопоставляющих себя в категориях мы — они, наши — чужие (враги). Следует отметить, что в советский период, несмотря на создание идеологической общности «советский народ», предпосылки этнической фрагментации не были устранены, но лишь отодвинуты на второй план монопольной коммунистической идеологией. Ошибкой была попытка создать «советский народ» как совокупность автономных и неделимых этносов, где последние в классических либеральных традициях стали

⁹ Именно населения, а не российской нации, являющейся целью, которую еще нужно достичь.

субститутами неделимых индивидов с их неотъемлемыми правами. В результате этнополитического переосмысления классических концепций общественного договора этносы были превращены в некие искусственные, неделимые субъекты политических прав. После того как реальная партийная вертикаль управления страной перестала функционировать, общество оказалось в идеологическом вакууме. Попытки наспех сконструировать политическую нацию «россиян» успехом не увенчались, процесс нацистроительства застопорился. «Россияне», исторические наследники «православных» и «советских», явились крайне неэффективной попыткой наименования новой гражданско-политической нации. Проблема в том, что функцию именования народа в целом обычно выполнял этноним «русские». За пределами России эта функция остается за ним до сих пор. Гражданский, а не этнический характер «русского» проявлялся уже в его определении как подданного Российской империи. Превращение русских в этноним было произведено лишь в 20 веке большевиками, когда национальная принадлежность вытеснила прежнюю базовую идентичность вероисповедания. Сегодня можно признать очевидным тот факт, что конструктивистская идентичность «россияне», официально внедряемая последние 15 лет, не смогла выполнить функции ведущей идентичности, сплачивающей население России в политическую нацию.

«Национальная идеология» для легализации российской нации так и не была создана за все постсоветские годы, да и будет ли она создана в дальнейшем — большой вопрос. Все ее наличные неомарксистские, неолиберальные, евразийские и панславянские модификации являются лишь рекомбинацией уже «изношенной историей» политических идей. Устаревает и сама идеология как форма политического мышления. Сегодня, например, странно выглядит тот факт, что в российском политическом дискурсе либеральная риторика прав «гражданина мира» совершенно спокойно используется для апологетики исключительности этносов. В то же время государственническая лексика, ратующая за превращение свободы частной в свободу всеобщую, обвиняется в тоталитарных тенденциях. Кризис модернистских идеологий в «обществе потребления» привел к тому, что именно этнические и религиозные идеи стали теми субъективно важными идеями, которые определяют новейшие ценности. И потребительское общество с его идеями материального благополучия и «комфортного сознания» оказалось слишком профанным и духовно исчерпанным, чтобы эффективно противостоять этнонационализму, фундаментализму и терроризму. Возвышение субъективной значимости этнического фактора происходит тогда, когда человека постоянно провоцируют подтверждать его этническую принадлежность, будь то перепись населения, политическая риторика или «пятая графа» в советском паспорте. Более того, российская власть очень часто (сознательно или по глупости) подчеркивает не гражданскую идентичность, а, наоборот, провоцирует этнические механизмы идентификации людей, воскрешая архаичные и зачастую виртуальные этнические общности, которые в свою очередь провоцируют конфессиональные и этнические напряженности. В результате, в расколотом обществе начали набирать силу негативные процессы «этнизации политического»: чеченец идентифицирует себя (в том числе

и с подачи власти) в первую очередь как чеченец, а татарин — как татарин и мусульманин, и лишь во вторую очередь они идентифицируют себя как граждане России. Постоянная и бессмысленная актуализация в бытовом сознании и политической повестке этнической идентификации («лица n-ной национальности», «азербайджанская преступная группировка» и т. п.) провоцируют негативные практические результаты. В настоящее время Россия нуждается не в чем ином, как в «гражданской национализации государства». Создание политической нации заключается вовсе не в разрушении этнической идентичности, но в создании правильной иерархии идентичностей гражданина, где политическое тождественно национальному и гражданскому. В то время как этническая идентичность нуждается в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам. Пожалуй главная проблема именно в том, что в современном мире, как справедливо замечает А. Н. Смирнов, «большинство этнокультурных проектов изначально несет в себе политический импульс»¹⁰.

Отказ от конфликтных категорий описания, которые выстраиваются в виде бинарных понятий друг–враг, титульные–нетитульные способствует устранению этнической напряженности в реальности. В противном случае, оперируя этнонациональной сеткой политических понятий, исследователю остается лишь следовать разворачиванию ее мифологии. Мыслительные границы становятся реальностью. Проблема в значительной степени заключена в изменении самого этнополитического языка, в свое время породившего никогда не существовавшие этнические общности, предстающие затем для обывательского сознания как вечные и неизменные, будучи исторически сконструированными. Этнос и нация как ключевые понятия этнополитики вовсе не являются бинарной оппозицией терминов-антагонистов. Эти понятия из принципиально разных исторических эпох, также как и базирующиеся на конструктивистских или эссенциалистских подходах концепции nation-building. При переводе этнопроблематики в практическую плоскость, как это ни парадоксально на первый взгляд, отсутствие регулирования в сфере межэтнических отношений зачастую является «меньшим злом», чем их регуляция на основе существующей этнонациональной политики в России, выстроенной в примордиалистской парадигме. Очевидно, что оформление России как нации-государства требует выведения этнического за пределы политического и правового пространств. Этнизация политики и права провоцирует реальные политико-правовые конфликты, так как этнонационализм как теоретический язык политики априори конфликтен с реальностью современных наций-государств. Однако теория этнонационализма является удобным материалом для конструирования объяснительных черно-белых политических схем для массового потребления, превращая научное знание о политике в набор мифологем. Этнонационализм претендует на проникновение к некоей последней и исконной «сути вещей», оперируя представлениями о характерах, предназначениях, идеях и качествах представителей того

¹⁰ Смирнов А. Н. Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // ПОЛИС. 2005. № 4. С. 36.

или иного этноса, что неизменно выливается в набор этнонациональных анекдотов и (авто-) стереотипов.

С точки зрения должного, этническая и религиозная принадлежность является в мультиэтнической нации-государстве частным делом граждан. Аналогично обстоят дела и с созданием общественных организаций по этническим, конфессиональным и иным признакам. Они могут создаваться добровольно, на собственные средства добровольцев. Но когда подобные организации претендуют на статус привилегированных, то есть на особую помощь государства, когда возникают политические этнократии, тогда под современную светскую российскую государственность закладывается «мина замедленного действия».

Возрождение этнонациональной проблематики в постсоветской политике во многом связано с тем, что этническое стало своеобразным эрзацем классового. В этнонационализме на смену таким ключевым субъектам политики и истории как сословия, касты, классы, индивиды приходят этносы как коллективные субъекты общественных отношений. Этнонационализм предстает как попытка объяснить социальное неравенство не посредством классовых, то есть социально-экономических, а из этнокультурных различий¹¹. Здесь современная этнополитика в своей примордиалистской парадигме лишь подхватывает конструкцию понятий советского официоза, замещая классовые категории этническими, но не касаясь самой логики изложения. Этнонационализм титульных элит в 90-х годах проявил себя как эффективный инструмент давления на федеральный центр в условиях сложившегося асимметричного федерализма. Тем не менее в настоящий период этнонационализм как политический ресурс теряет былую эффективность и маргинализируется. Российская политика все менее окрашена в этнические тона, а этническая идентичность все менее связана с идентичностью политической. Многие исследователи даже начали говорить о процессе деэтнизации российской политики. Например, О. Г. Буховец утверждает, что постсоветский этнонационализм является временным всплеском, который в условиях современного российского модерна обречен на скорое забвение¹². Деэтнизация действительно является одним из следствий усиления властной вертикали и свертывания региональных публичных политик. Этнонационализм во многом «выработал» свой центробежный ресурс, уступив актуальной централизации федеративных отношений в России. Однако говорить о его окончательном поражении — значит выдавать желаемое за действительное. Дело в том, что основным фактором, порождающим этнические конфликты в современном государстве является не естественная неприязнь этносов, а целенаправленная политическая проблематизация возможности этих конфликтов: «Этническая конфликтность, вызываемая столкновением «этнических интересов» и внешними манипуляциями, предстает как квазиприродная *стихия* и с этой точки зрения — как «естественное», объективно данное

¹¹ Соколов М. М. Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 131–135.

¹² Буховец О. Г. О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 140–142.

состояние межэтнических отношений. В этом смысле власть в принципе не несет ответственности за возникновение конфликтов. Поскольку этнические конфликты угрожают безопасности общества и государства, последнее обязано принять вызов и заняться укрощением *стихий*.¹³ При этом риторика «предотвращения конфликта» и «обеспечения межнационального согласия» может быть использована для прямо противоположных целей — «легализации дискриминационных практик».¹⁴

«Кто», «как» и с помощью «каких инструментов» описывает общество, определяет то, что мы в итоге представляем об этом обществе. Постулат, что этнические конфликты неизбежны на полиэтничных территориях, приобрел в последнее время статус чуть ли не «самоочевидного». Между тем, социологические исследования показывают, что дети не замечают своих этнических и расовых различий, являющихся социально конструируемыми и осваиваемыми в процессе социализации, то есть с помощью взрослых. Этнополитическая риторика нуждается в десакрализации, так как является функцией интереса и политическим ресурсом маргинальных политических элит, когда остальные политические ресурсы недоступны.

При всем своем эссенциализме понятие этноса не имеет ни одного объективного, сущностного признака. Но раз его нет у системообразующего этнический дискурс понятия, то тем более их не будет у его производных. Антипод эссенциализма (примордиализма) — конструктивистский подход, где этнос предстает предметом, возникающим в процессе отношений между людьми, а не присущим им от рождения представляется более правдоподобным. Собственно основная парадигма этнополитологии и заключается в противопоставлении примордиализма, стремящегося выявить некую сущность или «природную» подлинность этноса, и конструктивизмом, для которого этнос есть «общность приписывания», принадлежность воображаемая и субъективная. Если для эссенциализма этнос есть нечто объективно присущее человеку по рождению, то для конструктивистов — этническое есть приобретаемое, субъективно присваиваемое индивидом в ходе индивидуальной социализации. С точки зрения конструктивизма построение политической нации основано на механизме интеграции, который заставляет все этносы, общины, диаспоры, титульные народы соблюдать единые политические правила игры, которые наподобие Фемиды слепы к этническому измерению. В то время как примордиализм настаивает на рождении наций из природных суперэтносов. Очевидно, что примордиалистская и конструктивистская парадигмы существуют не сами по себе. Помимо методологической они несут прямую политическую нагрузку, не исчерпываясь строгим научным знанием, само существование которого в области политики является предметом ожесточенных споров. С одной стороны, социальная позиция ученого в поле политики детерминирует исследовательскую позицию, когда выбор этнонационального или гражданско-политического языка сам по себе воспроизводит категории той или иной парадигмы этнополитологии.

¹³ Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетея, 2002. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 116.

Итак, категории описания политической реальности как ничто другое порождают эту реальность. Целью национальной политики на современном этапе может быть: а) доктрина нации-государства, состоящей из правового государства (где перед законом равны граждане, а не этносы) и гражданского общества, в котором человек является, прежде всего, гражданином со всеми правами и обязанностями, и только затем в частном порядке представителем той или иной конфессии, этноса и т. п.; б) разрушение полиэтнического российского государства через провоцирование этнических идентичностей как политикообразующих.

В настоящее время наибольший вклад в этнополитическую фрагментацию российского государства вносят, с одной стороны, чиновники всех уровней, осваивающие соответствующие статьи бюджетов на «национальную политику», с другой – ученые – специалисты по проблемам этногенеза, этнической конфликтности и толерантности, которые этим и «окормляются». И те, и другие заинтересованы в создании этнической напряженности, иначе исчезает сам предмет «изучения», «регулирования» и «осваивания». В итоге не решив главный вопрос, который заключается в определении общих правил общежития и строительства нации-государства, в актуальную повестку вбрасываются частные императивы: остановить рост ксенофобии, формировать толерантное сознание, развивать этническое самосознание и т. п. Но подобная постановка вопроса на самом деле является моральным императивом, подразумевающим обратное: у россиян нетолерантное сознание, русские-ксенофобы, агрессоры, империалисты и т. д. Эта аксиома обладает серьезным порождающим потенциалом для всех тех явлений, с которыми потом борются чиновники и политические этнологи. Иными словами, борьба с ксенофобами создает ксенофобов, даже если их в реальности не существует, борьба с нацистами и скинхедами – приписывает идеологическую основу обычным хулиганским группировкам, любой анализ этнической мифологии и критика стереотипов наталкивается на упреки в нетолерантности, шовинизме и т. д. Как ни парадоксально, но наименьшие проблемы в межэтнических отношениях сегодня имеют те российские регионы, где этнонациональная политика никак не регулируется местными властями, и наоборот¹⁵.

Между тем, порочный круг подобного регулирования довольно прост. Раз принимаются законы о регулировании национальных отношений, раз выделяются гранты и программы – значит должны быть проблемы, которые по определению не могут не возникнуть. Раз есть чиновники по национальным вопросам, значит они волей-неволей должны осваивать бюджетные средства и создавать «иллюзию бурной деятельности». В итоге чиновник, чтобы не быть уволенным, начинает поиск врагов: ксенофобов, национали-

¹⁵ Такие выводы следуют из статистических данных директора Центра этнополитических и региональных исследований В. Мукомеля, представленных на международной конференции «Этнический фактор в процессе социальных трансформаций». Екатеринбург, 22–23 сентября 2004 г.

стов, экстремистов, фундаменталистов и т. п. Начинается деление граждан на титульных и нетитульных, коренных и некоренных, малые и большие народности, одни этнические диаспоры получают официальную помощь, средства и помещения, другие нет и т. д. В результате конфликты разгораются, претензии и обиды нарастают, лидеры различных общин начинают предъявлять друг другу и представителям власти обвинения по поводу бюджетных льгот, ущемления коллективных прав, выделения / невыделения средств из региональных бюджетов и т. д. В итоге подобной национальной политики представители различных этносов и конфессий приходят к «логичному выводу», что их ущемляют именно как представителей данных этносов и конфессий. Во главе процесса сидит чиновник «с кашей в голове», уверенный, что он борется с реальной ксенофобией, чего-то там не допускает (нетерпимости, нетолерантности), укрепляет дружбу народов, не понимая (а может быть иногда и очень хорошо понимая), что он сам создает все те конфликты, которые затем пытается регулировать.

Практические попытки регулировать этнонациональные отношения показывают, что массовое (обыденное) сознание слишком уязвимо, чтобы можно было питать иллюзии относительно его резервов толерантности и просвещенности на уровне современной теории. Профессиональное и массовое знание об этнополитике давно и безнадежно расслоилось. Массовое сознание мифологично, структурировано по дихотомии наши-враги, свои-чужие. Поэтому неумелые попытки всех уровней власти «просветить» население на этнические темы может в результате создать на пустом месте взрывоопасную смесь, когда благие намерения ведут к прямо противоположным результатам – распаду политической нации. Этнонационализация обыденного сознания приводит к тому, что обычные люди начинают восприниматься друг друга сквозь призму определенного набора этнических стереотипов. Подобное «просвещение» ведет к тому, что стереотипные характеристики этносов приписываются их представителям, а этническая идентичность вытесняет гражданскую.

В первой половине 20 века К. Шмитт писал, что политическому государству для самоописания и интеграции в отличие от этнических общностей необходим уже не просто чужой-иной, но враг. Но враг – это Другой, который согласно современным психоаналитическим теориям являет собой мыслительный конструкт «себя иного» или негативную проекцию собственных бессознательных отрицательных черт вовне. Не является ли взрывной рост внутренних Других на обломках советской империи просто свидетельством кризиса идентичности российского политического режима, который так и не смог предложить расколотому обществу общую политическую идентичность нации-государства? И вследствие этого, не является ли самой эффективной этнополитикой в современном полиэтничном государстве ее сознательное отсутствие? В современных нациях согласно императиву классического либерального индивидуализма все граждане равны перед законом и друг другом, что является главным условием реализации их свобод. Для регулирования частных споров граждан вполне хватает действующего административного и уголовного права. Представляется, что все прочие различия – этнические, конфессиональные – являются частным делом гра-

ждан и их корпораций, которые государство не должно регулировать: не решать и не запрещать. То есть, не вмешиваться до тех пор, пока подобные организации не преступят права и свободы прочих граждан. Именно как отдельных граждан, а не бурятов, либералов, собаководов или православных. И тогда оказывается, что если вынести за скобки борьбу различных меньшинств (этнических, конфессиональных, сексуальных, номенклатурных и т. п.) за привилегии и лоббирование чиновничьими структурами собственных интересов — подавляющее большинство споров оказывается решаемо в рамках обычного административного и уголовного права.

Решение или, по крайней мере, смягчение остроты «национального вопроса» нам видится в целенаправленном подъеме уровня политической идентичности граждан России до системного, то есть общегосударственного. Политическая идентичность может быть связана только с нацией-государством и с общенациональными интегрирующими символами, которых в современной России практически нет¹⁶. Ошибкой советских идеологов стало то, что уровень политической идентичности граждан был поднят официальной идеологией до транснационального, когда трудящихся пытались идентифицировать с мифическим мировым рабочим классом. Это стало одной из причин развала СССР, так как подобная глобальная идентичность является слишком абстрактной, разрушая идентичность национально-государственную. В Российской Федерации уровень политической идентичности, наоборот, упал практически до субнационального (до-государственного, этнического) уровня, что также автоматически влечет распад формирующейся нации-государства.

Политическая элита в России не желает назвать собственным именем этнонациональные проблемы, являющиеся питательной идеологической почвой для политического экстремизма и сепаратизма. А дать правильный ответ можно лишь на правильно сформулированный вопрос. Но для этого необходимо знать большую часть ответа. Не зная этого ответа, власть и общество вступают на минное поле этнополитики, выбраться из которого без потерь гораздо сложнее, чем просто его обойти — для этого есть все возможности. Российская государственность пребывает в состоянии активных изменений. С помощью ситуативных прагматических решений можно стабилизировать конфликтную политическую ситуацию, но нельзя ее принципиально разрешить. Нынешняя политика федеральной власти в области этнополитики — это политика консервации статус-кво и «отложенного выбора». Тем не менее делать этот фундаментальный выбор рано или поздно все же придется. Иначе он будет сделан уже без согласия и вопреки интересам большинства граждан России.

Россия находится в периоде формирования зрелой гражданской (политической) нации. Условием успешного построения нации-государства является «деполитизация этнического» в российской политике. Советский (и миро-

¹⁶ Символическое объединение российской нации сейчас фактически сводится до одного единственного события из богатейшей российской истории — Великой Отечественной войны, которая начинает занимать в историографии современной России то же значение, что и рождение Христа в христианской хронологии.

вой) опыт «огосударствления этносов» показал свою бесперспективность в практике современных полиэтничных государств, став одной из причин развала СССР. Тем не менее примордиалистская парадигма остается теоретическим оружием этнонационализма, выступающего в настоящее время в виде различных «политкорректных» версий мультикультурализма. Однако вопреки заявляемым целям, политкорректная риторика, как правило, лишь обостряет межэтническую напряженность и консервирует этноцентристские стереотипы и идентичности, приписывая им фундаментальный характер. Поэтому условием стабильного существования современной нации является поддержание правильной иерархии идентичностей. В этой иерархии, по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической. Опыт бывших социалистических и нынешних «развитых стран» со всей очевидностью доказывает, что политика привилегий для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т. п.), принятия государством перед ними неких эксклюзивных обязательств (правовых и моральных) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимаются. Наоборот, подобная эксклюзивность лишь провоцирует напряжение и фрагментацию современных полиэтничных сообществ, препятствуя их интеграции в политические нации.